



РЕЦЕНЗИИ

А.И. Смирнова

**С. Валюлис. Содружество литературы
и философии (Вильнюс: издательство
Литовского эдукологического
университета, 2016. 256 с.)**

Светлана Валюлис, литовский литературовед и писательница, символически предпослала своей книге эпиграф из Федора Достоевского: «Ты философствуешь как поэт», подчеркнув тем самым специфику предмета осмысления, запечатленного в заглавии труда. А во вступлении обосновала свой выбор: «Литература, являясь словесно-образным искусством, более других его видов соприкасается своей содержательной стороной с философией, прежде всего философскими идеями, так как слово, язык есть действительность мысли. Но нужно отметить и определенный парадокс: художественный образ вернее мысли, хотя он и значительно менее точен» (с. 8). По автору, необходимо различать логическую (философскую) и художественную идеи. «Важно уяснить, *почему* и *как* философская идея присутствует в литературном произведении» (с. 9).

Во вступительной статье определяется специфика каждого из способов познания мира, «пути проникновения и влияния философских идей на литературу» (с. 11) и указываются основные: общий философский «климат», в котором формируется и осуществляется литературное творчество; личные контакты с философами — «знакомство и усвоение писателями идей отдельных философов или школ» (с. 11). С. Валюлис подчеркивает методологически важный момент: вне философских идей, повлиявших на творчество писателей, невозможно понять и оценить его. И в качестве примера называет Ф. Достоевского и Л. Толстого, которые «предложили свои пути человеческого, т. е. нравственно ориентированного мышления» (с. 12).

Ценность рецензируемого труда заключается в том, что в нем выявляются *конкретные аспекты* влияния философских идей на художественное мышление и творчество писателей, на литературный процесс в целом. Исследователь

анализирует *философскую основу* сюжетов и *логику* их движения, *поэтические формы* воплощения философских идей и разные *виды взаимодействия* художественного слова и философских идей. В статьях сборника автор касается идей, представляющих различные философские системы: античную (Платон, Сократ, Эпикур и др.), западную (Р. Декарт, Ж.-Ж. Руссо, Г.В.Ф. Гегель, И. Кант, А. Шопенгауэр, А. Бергсон, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и др.), восточную (Будда, Конфуций и др.), русскую (П. Юркевич, Н. Страхов, Д. Мережковский, Вл. Соловьев и др.).

В работе привлекает серьезный теоретический уровень осмысления художественных текстов, широкий временной и жанровой охват анализируемого материала: от Н. Гоголя до Л. Улицкой, от эгодокументов до литературных произведений. Структуру книги формирует несколько «сюжетообразующих» сквозных линий: одна связана с нравственно-философскими проблемами русской литературы, другая — с влиянием идей Шопенгауэра на творчество русских писателей-классиков и символистов; третья — с эстетическими воззрениями символистов, включая и Ю. Балтрушайтиса, рецепцией философских идей писателями Серебряного века (статьи о Бунине); четвертая — с восприятием философских концепций современными авторами.

Обратившись к проблеме нравственно-философского смысла заглавия поэмы Н. Гоголя «Мертвые души», исследователь выявил новые семантические пласты в названии поэмы:

– мёртвые души — метафора мифологическая: надежда на переход из «мертвого» в «живое», ибо **мёртвая**, но **душа**, стало быть, может и должна воскреснуть;

– мёртвые души — читатели, равнодушно вззирающие на мир (с. 27).

Философская интерпретация стихотворения Ф. Тютчева «Тени сизые смешались...» позволила проследить, каким образом философские идеи (угасание — «уничтожение» как универсальный закон бытия мироздания; человек перед лицом своей метафизической судьбы), становясь поэтической мыслью, реализуются в структуре и семантике текста, и раскрыть механизм этой трансформации.

Особый интерес вызывает блок статей о влиянии идей А. Шопенгауэра на русскую литературу: «Идеи А. Шопенгауэра как философский контекст творчества русских писателей: А. Фет, И. Тургенев, Л. Толстой, Л. Андреев» и «Идеи А. Шопенгауэра в эстетических исканиях русских символистов». В первой статье исследуется рецепция идей немецкого мыслителя, убедительно прослеживается его влияние на нравственно-философские и эстетические искания русских писателей XIX – начала XX века. В лирике позднего Фета выявляются «концентрированные обобщенные отражения жизни и прямые медитации, родственные по духу и содержанию Шопенгауэру» (с. 37). В творчестве И. Тургенева внимание исследователя концентрируется на осмыслении человеческого бытия в контексте пессимизма Шопенгауэра. Интересно наблюдение С. Валюлис о том, что Тургенев художественно воспроизводит суждения немецкого мыслителя. Так, писателю близки его размышления

о старости и смерти, но больше по теме, а не по содержанию. «Тургенев создаёт отличную от Шопенгауэра онтологию человеческого бытия» (с. 45).

Исследователь убедительно раскрывает особое место в русском шопенгауэрианстве Льва Толстого, прослеживает эволюцию рецепции идей Шопенгауэра и отношения к нему писателя, и приходит к выводу, что философ был «спутником» Толстого до конца его «пути жизни». С. Валюлис последовательно выявляет воздействие философии Шопенгауэра на жизнь и творчество Л. Андреева, которая «усиливала трагическое мироощущение» писателя, однако он «не впадает в отчаянный пессимизм, предпочитает сопротивляться — смеяться, иронизировать...» (с. 62). Рецепция философских идей немецкого мыслителя русскими писателями определяется автором сборника статей как «процесс притяжений и отталкиваний» (с. 63).

В шопенгауэрианский контекст вписывается и творчество русских символистов. В статье «Идеи А. Шопенгауэра в эстетических исканиях русских символистов» прослеживается влияние философа на русскую литературу 60–70-х годов XIX века (первая волна шопенгауэрианства), 1890–1990-х годов (вторая волна). В статье выявляется восприятие философских воззрений немецкого мыслителя русскими символистами, устанавливается его влияние на формирование миропонимания и эстетических концепций символистов. «От отрицания ценностей жизни философом они ищут спасения в искусстве как способе преобразования мира» (с. 145).

Размышления о Толстом-философе продолжаются в статьях «“Исповедь” Л.Н. Толстого и преодоление дисгармонии личностного сознания», «“Анна Каренина” Льва Толстого: начало преодоления шопенгауэрианства в изображении судьбы Анны», «Нравственно-философский аспект смерти в произведениях Л. Толстого (“Три смерти”, “Записки сумасшедшего”, “Смерть Ивана Ильича”))».

Обратившись к творчеству Ф. Достоевского, С. Валюлис исследует философию и психологию преступления в романах «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и «Идиот». Основанием для подобного ракурса анализа является тот факт, что в фабульно-авантюрную ткань этих романов искусно вплетено автором «аналитическое содержание социологического, психологического и философского характера. Метафизические идеи и проблемы (“проклятые вопросы”) наполняют жизнь героев Достоевского, становятся неотъемлемым элементом сюжетной ткани его произведений (“приключение идеи”), сталкиваются в “полифоническом” (М. Бахтин) диалоге позиций и мировоззрений» (с. 124).

В книге С. Валюлис статьи о русском символизме предстают как самостоятельный научный «сюжет». Из русских символистов автор исследования уделяет особое внимание Федору Сологубу — онтологическому пространству в его лирике и категории красоты в поэтическом мире писателя. По верному наблюдению автора статей, «эстетически осмысливая философскую идею Шопенгауэра о злой Мировой воле, Сологуб первосущностью бытия полагает онтологическое Зло, проникающее даже в душу человека. Путь преодоления муки человеческого существования — избавление от него в Смерти и обретение

истинной свободы, дающей выход в новый онтологический слой, в котором запечатлевается творимое поэтом пространство мечты о благобытии» (с. 154–155). Вывод, к которому приходит исследователь, представляется вполне обоснованным: «Под влиянием идей гностиков и мистического анархизма М. Штирнера в художественном сознании Ф. Сологуба формируется представление о безграничной воле и возможностях творческого Я, которое расширяется от эстетического Я до Я трансцендентного» (с. 155).

Концепция женственности — знаковая и востребованная в эстетике символизма — исследуется на материале трилогии Дмитрия Мережковского «Христос и антихрист». Творчеству классика Серебряного века и рецепции философских идей в его произведениях посвящены две статьи: «И. Бунин “Легкое дыхание”: границы текста и возможности контекста», «Иван Бунин и Анри Бергсон: проблема времени и памяти (“Жизнь Арсеньева”)».

Завершают рецензируемый труд статьи о современных авторах — Сергее Довлатове, Светлане Василенко, Мириам Юзефовской, Людмиле Улицкой.

С. Валюлис от статьи к статье выявляет философский потенциал русского словесного искусства, которое в классических образцах предстает как «классика нравственной философии». Проблемы жизни и смерти, смысла жизни и человеческой экзистенции, волновавшие писателей XIX века, остаются актуальными и сегодня. По словам исследователя, «проблемы экзистенции отдельной личности и весь спектр её отношений с обществом находят в литературе XX и начала XXI века новые формы художественного воплощения...» (с. 12).

Через призму философских идей, повлиявших на художественное мышление писателей ушедшего и настоящего времени, Светлане Валюлис удалось раскрыть онтологический смысл их произведений, выявить их нравственно-философский контекст, дать новые смысловые коннотации знаковых — классических и неклассических — текстов русской литературы.